

Средние века уже начались

Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258 — 267

С недавнего времени с разных сторон начали говорить о нашей эпохе как о новом Средневековье. Встает вопрос, идет ли речь о пророчестве или о констатации факта. Другими словами: мы уже вошли в эпоху нового средневековья, или, как выразился Роберто Вакка в своей тревожной книге, нас ожидает «ближайшее средневековое будущее»? Вакка говорит о деградации крупных систем, типичных для технологической эры; они слишком обширны и сложны для того, чтобы одна центральная власть могла координировать их действия, и даже для того, чтобы каждой из них мог эффективно руководить управленческий аппарат; эти системы обречены на крушение, а в результате их сложных взаимодействий назад окажется отброшена вся промышленная цивилизация. Рассмотрим самый мрачный из тех вариантов развития событий, что предлагает Вакка: по видимости, это весьма убедительный футуристический сценарий.

Проект апокалипсиса

Представим себе такую картину: однажды в Соединенных Штатах из-за автомобильной пробки и аварии на железной дороге сменный персонал аэропорта не попадет к месту работы. К диспетчерам не придет замена, их переутомление приведет к стрессу, и по их вине произойдет столкновение двух реактивных лайнеров, которые упадут на высоковольтную линию передач; в следствии этого усилится напряжение на других и без того перегруженных линиях, и произойдет полное выключение электроэнергии, подобное тому, которое имело место в Нью-Йорке несколько лет назад. Только на этот раз авария будет значительнее и продлится несколько дней. Поскольку погода снежная, а дороги остаются нерасчищенными, образуются чудовищные скопления автомобилей; в офисах для обогрева жгут костры, и от этого вспыхивают пожары, до которых пожарные не могут добраться, а значит, не могут погасить. Под натиском пятидесяти миллионов разъяренных людей, которые пытаются по очереди дозвониться друг до друга, выходит из строя телефонная сеть. Вдоль дорог начинают двигаться пешие процессии, оставляя за собой на снегу мертвых.

Лишенные каких бы то ни было средств к существованию, путники пытаются захватить чужое жилье и продукты питания; десятки миллионов единиц огнестрельного оружия, проданные в Америке, начинают стрелять, вооруженные силы захватывают власть, но и сами становятся жертвами всеобщего паралича. Супермаркеты грабят, в домах кончаются запасы свечей, растет число умирающих в больницах от холода, голода и истощения. Когда через несколько недель будет с трудом восстановлен нормальный порядок, миллионы трупов в городах и сельской местности станут источником эпидемии, принеся бедствия, равные по масштабам эпидемии черной чумы, унесшей в XIV веке две трети населения Европы. Снова появятся психозы «распространителя заразы», и утвердятся новый маккартизм, еще более жестокий, чем раньше. Наступит кризис политического устройства, которое распадется на несколько автономных подсистем, независимых от центральной власти, с собственными наемными войсками и автономным судопроизводством. Кризис будет становиться все более и более обширным; преодолевать его будет легче жителям неразвитых областей, подготовленным к жизни и конкуренции в примитивных условиях, начнутся крупные миграции, которые приведут к слиянию и смешению рас, появлению и распространению новых идеологий. Когда сила закона не будет признаваться, а все документы будут уничтожены, собственность будет опираться только на «право обычая»; с другой стороны, скорый упадок

приведет к тому, что города будут состоять вперемешку из развалин и годных для жилья домов, где поселятся те, кто сумеет захватить их; а местные власти мелкого масштаба смогут сохранить хоть какую-то власть, лишь построив крепостные стены и укрепления. Тогда мы окажемся уже полностью в феодальной системе, союзы между местными властями будут опираться на компромисс, а не на закон, взаимоотношения отдельных людей будут основываться на агрессии, на дружеских союзах или союзах по принципу общности интересов, вновь возродятся примитивные обычаи гостеприимства. Перед лицом такой перспективы, говорит нам Вакка, остается только подумать о том, чтобы запланировать создание аналога монашеских общин, которые уже сегодня учились бы поддерживать и передавать в обстановке такого упадка научные и технические знания, необходимые для возрождения. Как организовать сохранение этих знаний, как избежать их искажения в процессе передачи и не используют ли их некоторые из таких общин для получения особой власти, — эти и другие проблемы обсуждаются в заключительных (во многом спорных) главах «Ближайшего средневекового будущего». Но вопрос (как уже было сказано вначале) стоит иначе. Прежде всего надо решить, является ли описанный Ваккой сценарий апокалипсическим, или это преувеличение уже существующего положения вещей. И затем освободить понятие Средневековья от отрицательной ауры, которую создала вокруг него определенного рода культурологическая публицистика возрожденческого толка. Постараемся же понять, что имеется в виду под Средневековьем.

Альтернативный проект средневековья

Между тем можно обнаружить, что это слово обозначает два вполне отличных друг от друга исторических момента, один длится от падения Западной Римской Империи до тысячного года и представлял собой эпоху кризиса, упадка, бурного переселения народов и столкновения культур; другой длился от тысячного года до начала периода, который в школе определяют как Гуманизм, и не случайно многие иностранные ученые считают его эпохой полного расцвета; более того, говорят даже о трех Возрождениях, первое — Каролингское, второе — в XI-XII веках и третье — известное как собственно настоящее Возрождение.

Если предположить, что Средние века можно свести к некоему подобию абстрактной модели, с каким из двух периодов следует соотнести нашу эпоху? Всякая попытка установить полное соответствие была бы наивной хотя бы по тому, что мы живем в период невероятно ускоренных процессов, когда происходящее за пять наших лет может порой соответствовать происходящему тогда за пять веков. Во-вторых, центр мира расширился до размера всей планеты, сегодня сосуществуют цивилизации и культуры, находящиеся на различных стадиях развития, и в обыденных условиях жизни мы скорее склонны говорить о «средневековых условиях жизни» бенгальских народов, в то время как Нью-Йорк представляется нам процветающим Вавилоном, а Пекин — моделью новой возрожденческой цивилизации. Следовательно, параллель, если она допустима, должна устанавливаться между некоторыми моментами и ситуациями нашей цивилизации. И различными моментами исторического процесса, который длится с V по XIII век нашей эры. Конечно, сравнение вполне определенного исторического момента (сегодня) с почти тысячелетним периодом во многом отдаст бессмысленной игрой, и было бы таковой, если бы и в самом деле имело место. Но здесь мы пытаемся разработать «гипотезу Средних веков» (почти как если бы мы ставили перед собой задачу создать Средние века и думали о том, какие составные части нам нужны для того, чтобы наше создание было действительно и правдоподобно).

Эта гипотеза или эта модель, будет иметь все характерные черты лабораторных результатов: она будет итогом выбора, фильтрации, и выбор будет зависеть от вполне определенной цели. Наша же цель в том, чтобы иметь в распоряжении историческую кар-

тину, к которой можно было бы примерять тенденции и ситуации нашего времени. Это будет чисто лабораторная игра, но никто никогда не говорил всерьез, что игры бесполезны. Играя, ребенок учится жить в мире именно потому, что делает понарошку то, что потом будет вынужден (или захочет) делать по-настоящему.

Что же нам нужно, чтобы создать хорошие Средние века? Прежде всего, огромная мировая империя, которая разваливается, мощная интернациональная государственная власть, которая в свое время объединила часть мира с точки зрения языка, обычаев, идеологии, религии и технологии и которая в один прекрасный момент рушится из-за сложности собственной структуры. Рушится, потому что на границах насаждают «варвары», которые необязательно необразованны, но которые несут новые обычаи и новое видение мира. Эти «варвары» могут врываться силой, потому что хотят завладеть богатством, в котором им отказано; или могут просачиваться в социальную и культурную материю господствующей мировой империи, распространяя новые верования и новые взгляды на жизнь. Римскую империю подтачивает вовсе не христианская этика; империя сама подточила себя, с равной готовностью приняв александрийскую культуру и восточные культуры Митры или Астарты, заигрывая с магией, новыми учениями об этике сексуальных отношений, различными надеждами и представлениями о спасении. Империя включила в себя новые расовые компоненты, в силу обстоятельств упразднила многие жесткие классовые деления, уменьшила различие между гражданами и не гражданами, между патрициями и плебеями, сохранила разделение по богатству, но размывала различия между социальными ролями, да и не могла поступить иначе. Она способствовала быстрому распространению культуры, возможность управлять получили представители таких национальностей, которые за двести лет до этого посчитались бы низшими, утратили незыблемый догматизм многие теологические теории. В один и тот же момент правительство могло поклоняться классическим богам, солдаты — Митре, а рабы — Иисусу. Инстинктивно преследовалась та вера, которая в конечном счете представлялась наиболее смертельно опасной для системы, но, как правило, высокий уровень терпимости позволяет принимать все.

С крахом Великой империи (военным, гражданским, социальным и культурным одновременно) начинается период экономического кризиса и дефицита власти, но лишь антиклерикальная, вполне, впрочем, оправданная реакция позволила увидеть «Темные века» столь «темными»; в действительности же Высокое Средневековье (и может быть, даже в большей степени, чем Средние века после тысячного года) было эпохой невероятной интеллектуальной силы, увлекательного диалога между варварскими цивилизациями, римским наследием и служившими им приправой восточно-христианскими идеями; эпохой путешествий и встреч, когда ирландские монахи, бродя по Европе, распространяли на своем пути идеи, пропагандировали книги, выдумывали всякого рода безумства... Короче говоря, именно там созрел современный западный человек, и именно в этом смысле модель Средних веков может помочь нам понять то, что происходит в наши дни: крушение Великой империи сопровождается кризисом и неуверенностью, в этот момент сталкиваются различные цивилизации и постепенно вырисовывается образ нового человека. Этот образ проявится только позже, но его элементы уже здесь, в бурно кипящем котле. Боэций, распространяющий учение Пифагора и перечитывающий Аристотеля, не повторяет по памяти урок прошлого, но выдумывает новый способ заниматься культурой и, притворяясь последним римлянином, на самом деле являет собой прообраз «ученого» при варварском дворе.

Кризис великой американской империи

Что сегодня мы живем в эпоху кризиса Великой Американской империи, стало уже общим местом в историографии нашего времени. Было бы ребячеством пытаться дать точное, а тем самым и застывшее описание «новых варваров», из-за того хотя бы отри-

цательного и вводящего в заблуждение оттенка, который термин «варвар» имеет в нашем восприятии: трудно сказать, являются ли ими китайцы, или народы «третьего мира», или поколение протеста; или иммигранты с юга, создающие сейчас в Турине новый Пьемонт, ранее никогда не существовавший; и действуют ли они на границе (где находятся) или уже внутри социальной структуры. С другой стороны, кто были варвары в эпоху упадка империи: гунны, готы, или азиатские и африканские народы, вовлекавшие центральную часть империи в свои торговые отношения и приобщавшие ее к своим религиям? Единственное, что совершенно точно исчезало, — это Римлянин, подобно тому как сегодня исчезает Свободный Человек, говорящий по-англосаксонски предприниматель, чьим Героическим Эпосом был Робинзон Крузо, а Вергилием — Макс Вебер.

В пригородных виллах обычный руководящий работник с прической бобриком еще воплощает доблестного Римлянина древнего склада, но его сын уже носит волосы, как у индейца, пончо, как у мексиканца, играет на азиатской цитре, читает буддийские тексты или ленинские брошюры и часто умудряется (как это случалось во времена поздней Империи) соединять Гессе, зодиак, алхимию, маоизм, марихуану и технику городской партизанской войны; достаточно почитать «Сделай это» Джерри Рубина или подумать или подумать о программах Альтернативного университета, который два года назад организовал в Нью-Йорке лекции о Марксе, кубинской экономике и астрологии. С другой стороны, сам уцелевший еще Римлянин в минуту тоски развлекается, обмениваясь женами с другом, и разрушает модель пуританской семьи. Все еще оставаясь членом большой корпорации (большой деградирующей системы), этот Римлянин с бобриком на самом деле уже живет при абсолютной децентрализации и кризисе центральной власти (или властей) превратившейся в фикцию (каковой и является теперь Империя) и в систему все более и более абстрактных принципов. Почитайте впечатляющее эссе Фурио Коломбо («Власть, группы и конфликт в нефеодалном обществе»)- из него становится ясно, насколько современна для нас эта типично несредневековая ситуация. Мы все знаем и без всяких социологических исследований, до какой степени формальными бывают у нас решения правительства по сравнению с второстепенными, на поверхностный взгляд, решениями крупных экономических центров, которые не случайно начинают создавать собственные разведслужбы, используя при этом силы государственного сектора, а так же и собственные университеты, нацеленные на особую эффективность, чтобы противостоять Краху, постигшему Центральное Управление Обучения. Ну а вопрос о том, может ли политика Пентагона или ФБР быть совершенно независимой от политики Белого Дома, стал ныне достоянием повседневной хроники.

«Технологическая власть внезапным маневром лишила государственные институты всякого смысла и оставила без опоры центр общественной структуры», - замечает Коломбо, власть «открыто организуется вне центра и середины общества, ближе к зоне, свободной от общих задач и общей ответственности, и таким образом неожиданно и открыто выявляет необязательный характер государственных институтов». Теперь за помощью обращаются не к вышестоящему по должности или иной иерархии; помощь ищут, исходя из соображений престижа и реальной возможности давления. Коломбо приводит в пример восстание в нью-йоркских тюрьмах в октябре 1970 года, когда представитель официальной власти, мер города Линдсей, мог действовать только призывами к благоразумию, а мирные переговоры велись сначала между заключенными и тюремными властями при действенном посредничестве телевидения.

Вьетнамизация территории

Итак, начинается игра независимых частных интересов, представители которых достигают компромиссов и поддерживают взаимное равновесие благодаря услугам ча-

стной и наемной полиции, а также имеет собственные укрепленные центры для сбора сил и обороны. В результате мы становимся свидетелями того, что Коломбо называет прогрессирующей вьетнамизацией территорий, по которым во все стороны движутся отряды новых наемников (а как еще назвать «миньютмен» или «черных пантер»?). Попробуйте приземлиться в Нью-Йорке на самолете компании TWA: вы попадете в совершенно частное владение, в автономию, которая ничего общего не имеет с аэровокзалом компании Панамерикэн. Центральная власть, которая ощущает особо сильное давление со стороны TWA, представляет компании намного более быстрое, чем остальным, визовое и паспортное обслуживание. Если вы летите компанией TWA, вы доберетесь от самолета до Америки за пять минут, точно по часам, в случае любой иной компании вы потратите на это час. Все зависит от летающего феодала, которому вы доверитесь, и посланцы господина (которые наделены властью карать и отпускать грехи в области идеологии) некоторым позволят избежать отлучения от церкви, но относительно других решение будет приниматься гораздо строже, с догматизмом, не предполагающим никаких исключений.

А можно и не ехать в Америку, а посмотреть, как изменился внешний вид центрального зала какого-нибудь банка в Милане или Турине, или оценить, при попытке войти в здание Телевидения Италии на бульваре Маццини в Риме, какую сложную систему контроля, созданную внутренними службами безопасности, следует пройти, прежде чем твоя нога ступит на территорию наилучшим образом укрепленного замка. Пример укреплений и полувоенного режима на фабриках также принадлежит к разряду повседневного жизненного опыта. При таком положении вещей полицейский на своем посту не так уж и нужен, он напоминает о символическом присутствии власти, которая время от времени может превратиться в действующую; но, как правило, вполне хватает своих наемников. Когда затем еретическая крепость (вспомним Государственный университет в Милане, с его свободной территорией, обладавшей «фактическими» привилегиями) становится неудобной, тогда центральная власть вмешивается, чтобы вернуть на место символический государственный авторитет; но что касается превращенного в цитадель архитектурного факультета в Милане, центральная власть вмешалась только тогда, когда феодальные сеньоры, представители различных групп, промышленность, газеты, городское отделение Христианско-демократической партии решили, что цитадель врага следует взять приступом. Только тогда центральная власть заметила или претворилась, что поверила, что ситуация была незаконной уже в течении многих лет, и предъявила обвинение совету факультета. До того момента, пока давление более крупных феодалов не стало невыносимым, это маленькое владение сошедших с истинного пути храмовников или эта обитель распутных монахов имела возможность жить в соответствии со своими установлениями, своими постами или своим развратом [1]

Год назад один итальянский географ, Джузеппе Сакко, подробно показал, как в городе развиваются средневековые черты. Многие меньшинства не желают интегрироваться, образуют кланы, и каждый клан выбирает свой район, который становится его центром, часто недоступным: вот мы и имеем средневековый квартал — «контраду» (Сакко говорит о Сиене, где преподает). Клановый дух возрождается также и в среде имущих классов. Которые под впечатлением мифов о природе удаляются от города, в район садов со своими независимыми супермаркетами, давая жизнь другим типам микросоциумов.

Сакко также подхватывает тему «вьетнамизации» территорий, которые становятся ареной постоянных вспышек напряженности из-за недовольства принятым порядком: среди ответных мер властей — тенденция к децентрализации больших университетов (своего рода попытка укротить студенчество), чтобы избежать опасных массовых скоплений. В этой обстановке постоянной гражданской войны, определяемой борьбой про-

тивостоящих и не имеющих общего центра группировок, города все больше и больше будут приближаться к тому, что мы можем видеть в некоторых привыкших к партизанской войне областях Латинской Америки, «где раздробленность общества красноречиво символизируется тем фактом, что швейцар в жилых домах обычно вооружен автоматом. В таких городах некоторые государственные учреждения, например президентские дворцы, напоминают крепости и окружены подобием земляного вала, который защищает их от портативных ракетных установок.

Естественно, наша средневековая параллель должна быть устроена так, чтобы не бояться симметрично противоположных сопоставлений. Ибо, если в те Средние века имели место тесно связанные между собой сокращение численности населения, опустение городов, голод в деревне, трудность связи, разрушение дорог и римской почты, ослабление контроля со стороны центра, сегодня, как кажется (до наступления кризиса центральной власти и в связи с ним), мы наблюдаем противоположный феномен: избыток населения, существующий за счет избыточных средств связи и транспорта, что делает города непригодными для жизни не из-за разрушений и опустошений, но из-за болезненного всплеска активности. Вместо плюща, разрушающего большие, но готовые развалиться здания, мы имеем теперь загрязнение атмосферы и груды мусора, уродующие и лишаящие воздуха большие обновляющиеся здания; город наполняется иммигрантами, но лишается своих старых жителей, которые используют его только для работы, а затем бегут в пригороды (все более укрепленные после кровавых событий в Бель-Эр). В Манхэттене скоро будут жить только негры, в Турине — только южане, в то время как на окружающих холмах и равнинах вырастают родовые замки, со всем этикетом добрососедских отношений, взаимным недоверием и торжественными поводами для церемониальных встреч.

Экологический упадок

С другой стороны, большой город, не захваченный сегодня воинственными варварами и не разоренный пожарами, страдает от недостатка воды, нехватки свободной электроэнергии, паралича дорожного движения. Среди тех, кто пытается разрушить сами основы совместной жизни в технологическом обществе, Вакка называет группы андерграунда, которые призывают спровоцировать выход из строя всех электролиний, включив одновременно как можно больше электробытовых приборов и поддерживая прохладу в квартирах с помощью открытого холодильника. Вакка, как ученый замечает, что если оставить холодильник открытым, температура не снизится, а повысится; но языческие философы имели значительно более серьезные возражения, которые можно было выставить против сексуальных и экономических теорий первых христиан, и тем не менее проблема состояла не в том, чтобы посмотреть, эффективны теории или нет, но в том, напротив, чтобы подавить абсентеизм и отказ от политического сотрудничества, зашедший за определенный предел. Профессоров Кастельнуово упрекают в том, что они не регистрировали отсутствие кого-либо на собрании, а это все равно что не приносить жертвы богам. Власть боится ослабления церемониала и недостатка формального соблюдения установлений, ибо видит в этом стремление саботировать традиционный порядок вещей и внедрить новые обычаи.

Высокое Средневековье характеризуется также сильным технологическим упадком и обеднением деревни. Не хватает железа, и крестьянин, уронивший в колодец свой единственный серп, должен ждать чудесного вмешательства святого, который бы (как свидетельствуют легенды) поднял его, иначе — конец. Пугающее снижение численности населения прекращается лишь после тысячного года благодаря распространению фасоли, чечевицы и бобов, имеющих высокие питательные свойства, без чего Европа умерла бы от истощения (связь между фасолью и культурным возрождением имеет решающий характер). Сегодня, казалось бы, все наоборот, но результат тот же: мощное

техническое развитие приводит к возникновению дорожных пробок и нарушает рабочий режим, в то время как размах пищевой промышленности имеет своей обратной стороной производство ядовитых и канцерогенных продуктов.

С другой стороны, общество крайней степени потребления производит не добротные вещи, а легко ломающиеся машинки (если вам нужен хороший нож, покупайте его в Африке, нож, купленный в Соединенных Штатах, развалится при первом же использовании). Технологическое общество приближается к тому, чтобы стать обществом пришедших в негодность и ненужных предметов, а в сельской местности мы видим, как гибнут леса, остаются заброшенными поля, загрязняется вода, атмосфера, растительный мир, исчезают некоторые виды животных и т.д.; поэтому если не фасоль, впрыскивание каких-то естественных, неиспорченных элементов становится все более насущной необходимостью.

Неокочевничество

Можно, правда, вспомнить о том, что в нынешнее время летают на Луну, передают футбольные матчи по спутниковой связи и изобретают новые химические соединения, однако все это прекрасно согласуется с другой, в большинстве своем неизвестной стороной Средневековья на рубеже двух тысячелетий. Это было время первой значительной промышленной революции: в течении трех веков были изобретены стремяна, плечевой хомут, повышающий эффективность работы лошади, сочлененный задний руль, позволяющий кораблям плыть, лавируя против ветра, ветряная мельница. Трудно поверить, но человек чаще отправлялся к Св. Иакову Компостельскому или в Иерусалим, чем в соседнюю Павию. Средневековую Европу во всех направлениях пересекали дороги паломничества (занесенные в списки прекрасными экскурсоводами, перечислявшими церкви при аббатствах так, как сегодня перечисляются мотели или гостиницы «Хилтон»). Точно так же наше воздушное пространство изрезано авиалиниями, которые делают дорогу из Рима в Нью-Йорк более легкой, чем в Рим или Сполето.

Кто-нибудь возразит, возможно, что полукочевое средневековое общество было обществом небезопасного путешествия; отъезд был равноценен завещанию: путешествовать значило встретиться с разбойниками, шайками вагантов и дикими зверями. Но представление о современном путешествии как об идеале комфорта и безопасности подорвано уже давно, и посадка на реактивный самолет с проходом через разнообразный электронный контроль и обысками из страха угона самолета почти точно восстанавливает старинное, предвещающее приключения ощущение неуверенности, которое, надо полагать, будет расти.

Неуверенность

«Неуверенность» — ключевое слово: это чувство следует поставить в контекст «миллениаристских», или «хилиастических» [2], тревог: вот-вот наступит конец света, заключительная катастрофа завершит тысячелетие. Знаменитые ужасы тысячного года были легендой, это уже доказано, но доказано также и то, что в течении всего X века распространялся страх перед концом света (если не считать, что к концу тысячелетия этот психоз уже прошел). Что касается наших дней, постоянно повторяющиеся темы атомной и экологической катастроф являются достаточным свидетельством апокалиптических тенденций. В качестве утопического корректива тогда существовала идея «*renovato imperii*» (обновления империи), а сейчас существует достаточно гибкая идея «революции», обе имеют серьезную реальную перспективу, если не считать некоторых конечных изменений по отношению к первоначальному проекту (не империя обновится, но неуверенность будет преодолена благодаря возрождению общин и национальным монархиям). Но неуверенность — факт не только истории, но и психологии, она непрерывно связана с взаимоотношениями «человек — природа», «человек — общество». Ночью в лесу люди видели множество враждебных существ: не так уж легко реша-

лись они выходить из своего жилища, обычно передвигались вооруженными; к таким же условиям жизни приближается житель Нью-Йорка. После пяти вечера он не ступит на территорию Центрального парка, старается не ездить по линии метро, ведущей в Гарлем, и вообще не входит один в метро после полуночи и даже раньше, если речь идет о женщине. Между тем полиция повсюду ведет борьбу с грабежами, убивая без разбора правых и виноватых, и тут же устанавливается практика революционного похищения и захвата послов, подобно тому как какой-нибудь кардинал со своей свитой мог быть захвачен неким Робин Гудом и затем освобожден в обмен на пару веселых друзей из леса, которых поджидали виселица или колесо. Последний штрих к картине всеобщей неуверенности — тот факт, что в нарушении обычаев, установленных современными либеральными государствами, войну, как и тогда, больше не объявляют (разве только под конец конфликта, см. Индию и Пакистан), и никогда не известно, находимся ли мы в состоянии войны или нет. Что касается остального, то поезжайте в Ливорно, в Верону или на Мальту, и вы увидите, что войска Империи расквартированы на различных национальных территориях как постоянный гарнизон, и речь идет о многоязыких армиях, возглавляемых адмиралами, постоянно пребывающими в искушении использовать эту силу для того, чтобы повоевать (или заняться политикой) в своих собственных интересах.

Ваганты

По этим обширным территориям, где царит неуверенность, перемещаются банды асоциальных элементов, мистиков или искателей приключений. Помимо того что в условиях общего кризиса университетов и не очень понятно как присуждаемых стипендий студенты постепенно приобретают статус бродячих и обычно признают только приезжих преподавателей, отвергая собственных «естественных учителей», у нас еще есть и банды хиппи — настоящие нищенствующие ордена, живущие подаянием в поисках мистического счастья (наркотики или мистическая благодать - разница небольшая еще потому, что различные нехристианские религии начинаются исключительно на дне достигнутого лекарственным образом счастья). Местное население не признает их и преследует, и когда «дети цветов» будут изгнаны из всех молодежных приютов, пусть они напишут, что в этом и есть совершенная радость. Как и в Средние века, часто граница между мистиком и вором очень тонка, и Мэнсон — не кто иной, как монах, подобно своим предкам превысивший меру в сатанинских ритуалах (с другой стороны, и тогда, когда наделенный властью человек мешает законному правительству, его вовлекают в скандал, как поступил Филипп Красивый с тамплиерами). Мистическое возбуждение и дьявольский ритуал очень близки друг другу, и Жиль де Ре, сожженный заживо за то, что пожирал слишком много детей, был товарищем по оружию Жанны д'Арк, партизанки милостью божьей, подобно Че. О других формах поведения, близких к тем, что имели место в нищенствующих орденах заявляют в другом ключе политизированные группы, и моральный кодекс Союза марксистов-ленинцев с его призывом к бедности, строгости нравов и «служению народу» имеет монастырские корни. Если эти параллели и кажутся беспорядочными, то стоит подумать об огромных различиях, которые, несмотря на внешнюю религиозность, разъединяли созерцательных и ленивых монахов, творивших бог знает что за запертыми воротами монастыря, активных популистов францисканцев и непримиримых доктринеров доминиканцев; но все они добровольно и по-разному покинули современное им общество, которое презирали как упадочническое, дьявольское, источник неврозоз и «отчуждения». Это объединения жаждущих обновления людей, разрывающихся между бурной практической деятельностью на пользу обездоленным и яростной теологической дискуссией, раздираемых взаимными обвинениями в ереси и постоянно возвращаемыми друг другу проклятиями. В каждой группе образуются свои диссиденты и свои ересиархи, взаимные атаки доминиканцев и

францисканцев не лишены сходства с теми, которые обрушивают друг на друга троцкисты и сталинисты, — и это вовсе не случайно выделенный нами признак бессмысленного беспорядка, но, наоборот, признак общества, где новые силы ищут новые образцы коллективной жизни и открывают для себя, что не смогут навязать их, если не прибегнут к борьбе против установившихся «систем», используя сознательную и строгую нетерпимость в теории и на практике.

Авторитет

Существует некая сторона Средневековой культуры, которую в соответствии с нашей светской, просветительской и либеральной логикой и из-за избыточной потребности в полемике мы исказили и оценили неправильно: речь идет о практике обращения к авторитету. Средневековый ученый все время делает вид, что ничего не изобрел, и постоянно ссылается на авторитетного предшественника. Будь то отцы Восточной церкви, будь то Августин, будь то Аристотель, или Священное писание, или ученые, жившие всего столетие назад, но никогда не следует утверждать что-то новое, не представляя это как уже сказанное кем-то, кто нам предшествовал. Если как следует задуматься, то это прямо противоположно тому, что будет делаться от Декарта до наших дней, когда считается, что сколько-нибудь стоящий философ или ученый — как раз тот, кто привнес что-то новое (и то же самое, со времен романтизма, а может быть маньеризма и далее, справедливо для художника). Средневековый человек — нет, он делает прямо противоположное. Таким образом, вся совокупность культурных высказываний Средневековья представляется извне огромным монологом без различий, ибо все из всех сил стараются использовать один и тот же язык, одни и те же цитаты, одну и ту же лексику; слушателью, находящемуся снаружи, кажется, что все время говорится одно и то же, и точно так же случается с тем, кто приходит на студенческое собрание, читает прессу непарламентских группировок или воззвания к «культурной революции».

В действительности же исследователь Средневековья умеет увидеть принципиальные различия, подобно тому как политик сегодня уверенно прокладывает себе путь, устанавливая тонкости и различия в двух выступлениях и умея немедленно определить своего собеседника как представителя того или иного объединения. По сути, средневековый человек прекрасно знает, что из авторитета можно сделать все что хочешь. «У авторитета восковой нос, форму которого можно изменять по желанию», — говорил Алан де Лилль в XII веке. Но еще до этого Бернар да Шартр сказал: «Мы подобны карликам на плечах гигантов»; гиганты — это неоспоримые авторитеты, намного более пронзительные и дальновидные, чем мы; но мы, как бы малы мы ни были, когда взгромождаемся на них, видим дальше. С одной стороны, следовательно, присутствовало сознание того факта, что они обновляют культуру и идут вперед, с другой стороны, обновление должно было опираться на некую совокупность имеющихся культурных элементов, которые бы обеспечили как некоторые бесспорные положения, так и общий язык. И это было не только догматизмом (даже если часто превращалось в него), но и тем способом, которым средневековый человек реагировал на беспорядок и культурное рассеяние позднеимперского периода, на смесь идей, религий, обещаний и язык эллинистического мира, где каждый оказывался один на один со своим сокровищем мудрости. Первое, что следовало сделать, — это восстановить общую тематику, риторику и словарный запас, с помощью которых можно было бы самоопределиваться, иначе больше невозможно было бы общаться и (что было особенно важным) невозможно было бы навести мост между интеллигентом и народом — что средневековый ученый по-своему и достаточно авторитарно делал в отличие от интеллигента греческого и римского.

Итак, позиция молодежных политических групп сегодня совершенно такая же и представляет собой реакцию на романтико-идеалистическую оригинальность и плюрализм либеральных перспектив, в которых видится идеологическое прикрытие, маски-

рующее с помощью различных точек зрения и методов единство господствующего экономического давления. Поиск священных текстов (будь то Маркс или Мао, Гевара или Роза Люксембург) выполняет прежде всего эту функцию: восстановить общую базу дискуссии, корпус признаваемых авторитетных текстов, отталкиваясь от которых можно было бы играть различиями и противопоставлениями. И все это с совершенно средневековым смирением, в точности противоположным духу нового времени, буржуазному и возрожденческому; личность предлагающего не важна больше, и предложение не должно проходить как индивидуальное открытие, но как плод коллективного решения, всегда строго анонимного. Таким образом, общее собрание проходит “*quaestio disputata*” (расследование путем диспута): на постороннего человека это производит впечатление монотонной и заушной игры, в то время как в процессе его идет спор не только о великих проблемах человеческих судеб, но и о вопросах, касающихся собственности, распределения богатств, взаимоотношений с государем, или о природе движущихся земных или неподвижных небесных тел.

Формы мысли

Быстро сменив (в том, что касается сегодняшнего дня) обстановку, но ни сантиметр не отклонившись в том, что касается средневековой параллели, перенесемся в университетскую аудиторию, где Хомский расщипляет наши высказывания на грамматические атомы, так что каждое ответвление в свою очередь раздваивается, или Якобсон сводит к бинарным элементам фонетические проявления, или Леви-Стросс представляет родственные связи и ткань мифов как основанную на игре противоположностей структуру, или Ролан Барт читает Бальзака, Сада и Игнатия Лойолу, подобно тому как средневековый человек читал Вергилия, прослеживая противопоставляемые и симметричные образы. Ничто так близко не стоит к средневековой интеллектуальной игре, чем структуралистская логика, подобно тому как ничто, в конечном итоге, так не приближается к ней, как формализм современной логики и физико-математической науки. Нас не должно удивлять, что в одной и той же области античности мы можем найти параллели политической дискуссии или научным математическим описательным моделям именно потому, что мы сравниваем живую реальность с рафинированной моделью; но в обоих случаях речь идет о двух способах подхода к реальности, которые не имеют удовлетворительных параллелей в буржуазной культуре нового времени и оба связаны с проектом восстановления перед лицом мира, официальный образ которого потерян или отвергается.

Политик аргументирует тонко, опираясь на авторитет, чтобы дать теоретическое обоснование формирующейся практике; ученый стремится путем классификаций и различий снова придать форму культурному универсуму, взорвавшемуся (подобно греко-римскому) из-за избытка оригинальности и чреватому конфликтами слияния слишком различных течений, Запада и Востока, магии, религии и права, поэзии, медицины или физики. Речь идет о том, чтобы показать, что существуют осевые направления мысли, которые позволяют объединить современных и древних авторов под вывеской одной и той же логики. Формалистические излишества и соблазн антиисторизма, свойственные структурализму, — те же, что и в схоластических дискуссиях, подобно тому как прагматический и преобразовательный порыв революционеров, которые в те времена назывались реформаторами или просто еретиками, должен быть (как и должен был быть) подкреплен яростными теоретическими спорами, а каждый нюанс теории — предполагать различное практическое применение. Даже дискуссия между Св. Бернардом, поборником строгого искусства без излишеств и избыточной изобразительности, и Сюже, сторонником пышной церкви, перегруженной фигуративными изображениями на разных уровнях и в разных планах, находит отклик в противостоянии светского конструктивизма и социалистического реализма, художников-абстракционистов и представите-

лей необарокко, теоретиков-ригористов концептуальной коммуникации и придерживающихся взглядов Макбьюэна поборников превращения земного шара в единое поселение при помощи визуальной коммуникации.

Искусство как bricolage ^[3]

Однако, если мы перейдем к культурным и художественным параллелям, картина станет намного более сложной. С одной стороны, мы имеем достаточно идеальное соответствие между двумя эпохами, которые с одинаково утопическими взглядами на воспитание и одинаковой идеологической маскировкой патерналистских планов духовного руководства пытаются по-разному восполнить расхождение между ученой и народной культурами посредством культуры визуальной. В обе эпохи избранная элита рассуждает о написанных текстах с точки зрения образованности, но затем переводит в зрительные образы основное содержание знания и несущие конструкции доминирующей идеологии. Средние века — цивилизация зрелищного, где собор, великая каменная книга, — одновременно и рекламный плакат, и телеэкран, и мистический комикс, который должен рассказать и объяснить, что такое народы земли, искусства и ремесла, дни года, каковы время посева и сбора урожая, таинства веры, эпизоды священной и светской истории и жизнь святых (великие образцы для подражания, подобные сегодняшним «звездам» и эстрадным певцам, то есть людям из элиты, лишенным политической власти, но воздействующим на публику с огромной силой).

Рядом с этим мощным предприятием народной культуры ведется работа по созданию композиций и коллажей, которой ученая культура занимается на обломках прошлой культуры. Возьмите волшебную шкатулку Корнелла или Армана, коллаж Эрнста, бесполезную машину Мунари или Тингли, и вы окажетесь в обстановке, которая ничего не будет иметь общего с эстетическим вкусом Средневековья. В поэзии это будут центоны, загадки, ирландские кеннинги, акrostихи, словесная ткань из множества цитат, напоминающая Паунда и Сангвинетти; безумные этимологические игры Вергилия де Бигорра и Исидора Севильского, которые так похожи на Джойса (Джойс знал об этом), упражнения в композиции времен из поэтических трактатов, которые кажутся программой Годара, и прежде всего пристрастие к собранию и перечислению. Пристрастие в ту эпоху в наиболее концентрированной форме выражавшееся в сокровищах князей или соборов, где без разбора были соединены щип из венца Иисуса, яйцо, найденное в другом яйце, рог единорога, обручальное кольцо Св. Иосифа, череп Св. Иоанна. [4]

Господствовало полное неразличение эстетического и механического предметов (механическая игрушка в виде петуха, искусно отчеканенная, была подарена Гаруном аль-Рашидом Карлу Великому, движущееся ювелирное изделие, если такое возможно), и не было разницы между предметом, возникшим в результате «творчества», и любопытной редкостью, не различались ремесленное и художественное, «серийное» и уникальный экземпляр и, главное, забавное изобретение (лампа в стиле модерн в форме китового уса) и произведение искусства. И над всем господствует ощущение сверкающего цвета и света как физического элемента радости, и неважно, что там нужны были золотые чаши, инкрустированные топазами, чтобы отражать солнечные лучи, преломленные церковными витражами, а здесь мы имеем оргию синтезированных звуков и образов в каком-нибудь зале «Электрик секурз», где свет преломляется с помощью фильтров поляроида.

Хейзинга говорил, что для того, чтобы постичь средневековый эстетический вкус надо подумать о реакции потрясенного буржуа при виде редкого и драгоценного предмета. Хейзинга мыслил понятиями эстетического постромантизма; сегодня мы сочтем, что это реакция того же типа, что возникает у молодого человека при виде плаката, изображающего динозавра или мотоцикл, или при виде радиофицированной волшебной

шкатулки, у которой перекатываются светящиеся полосы, нечто среднее между технической моделью и плодом воображения научного фантаста в сочетании с элементами варварского ювелирного искусства.

Наше искусство, как и средневековое, не систематическое, но собирательное и составное; сегодня, как и тогда, сосуществуют элитарный утонченный эксперимент и с размахом созданное предприятие по популяризации (соотношение между миниатюрой и собором такое же, как между Музеем современного искусства и Голливудом) с постоянным взаимообменом и заимствованиями. Явная заумность, яростное пристрастие к коллекции, списку, монтажу, к нагромождению разных вещей вызваны необходимостью расчленивать и переоценить обломки предшествующего мира, быть может, гармоничного, но теперь уже устаревшего, прожить в котором нужно, как сказал бы Сангвинетти, как пройти гнилое болото, пересечь и забыть. В то время как Фелини и Антониони пробуют создавать свои версии «Ада», а Пазолини — свои версии «Декамерона» (и «Роланд» Ронкони вовсе не возрожденческий праздник, но средневековая мистерия на площади для бедного люда), кто-то отчаянно пытается спасти античную культуру, считая себя носителем интеллектуальной миссии, и нагромождаются энциклопедии, дайджесты, электронные хранилища информации, на которые рассчитывал Вакка, чтобы передать потомкам сокровища знаний, которые рискуют погибнуть в катастрофе.

Монастыри

Ничто так не похоже на монастырь (затерянный в сельской местности, обнесенный стенами, мимо которых проходят чужестранные варварские орды, населенный монахами, не имеющими ничего общего с миром и ведущими свои собственные исследования), как американский университетский городок. Время от времени Государь зовет одного из этих монахов и делает его своим советником, посылая с посольством в Китай; и тот равнодушно переходит от затворнической жизни к светской, получает власть и пытается руководить миром с тем же аскетическим совершенством, с каким коллекционировал свои греческие тексты. Он может именоваться Герберт де Орильяк или Макнамара, Бернардо де Кьяраваль или Киссинджер, может быть человеком войны или человеком мира (как Эйзенхауэр, который выигрывает несколько битв, потом удаляется в монастырь, став директором колледжа, и лишь иногда возвращается на службу Империи, когда толпа призывает его как имеющего влияние Героя). Но сомнительно, чтобы на долю этих монастырских центров выпала задача сохранить и передать накопленное прошлой культурой, пусть даже с помощью сложной электронной техники (как это предлагает Вакка), которая бы понемногу потом отдавала эту культуру, побуждая к ее восстановлению, но никогда не открывая до конца ее секретов. То Средневековье в конце концов произвело на свет Возрождение, развлекавшееся археологическими изысканиями, но в действительности Средние века занимались не систематическим сбережением, а скорее, наоборот случайным уничтожением и неорганизованным сохранением: были потеряны важнейшие рукописи и сохранены другие, совершенно смешотворные, великолепные поэмы были затерты для того, чтобы написать поверх загадки или молитвы, священные тексты были искажены, в них вставлялись куски, и так Средневековье писало «свои» книги. Средние века придумали коммуны как форму организации общества, не имея точных представлений о греческом полисе, люди Средневековья пришли в Китай, полагая, что найдут там людей с одной ногой или ртом на животе, достигли Америки, быть может раньше Колумба, используя астрономию Птолемея и географию Эратосфена...

Непрерывный переходный период

Об этом нашем Средневековье сказано, что оно будет «непрерывным переходным периодом», к которому придется приспособливаться новыми методами: проблема будет состоять не столько в том, чтобы сохранить прошлое в соответствии с наукой, но и в

том, чтобы выработать пути использования беспорядка, проникнув в логику ситуации непрерывного конфликта. Появится, и уже появляется, цивилизация постоянной адаптации, питающаяся утопией. Именно так средневековый человек придумал университет — с тем же отсутствием предрассудков, с каким сегодняшнее «бродячее духовенство» разрушает его, быть может одновременно преобразуя. Средние века по-своему сохранили наследие прошлого, но не для того, чтобы, удобно устроившись в нем, погрузиться в зимнюю спячку, а чтобы постоянно заново переводить его и использовать, это был bricolage в гигантских масштабах на грани ностальгии, надежды и отчаяния.

При всей внешней неподвижности и догматизме это был, как ни парадоксально, момент «культурной революции». Весь процесс, естественно, сопровождался эпидемиями и кровавыми побоищами, нетерпимостью и смертью. Никто не говорит, что новые Средние века открывают нам бесконечно веселую перспективу. Как говорили китайцы, когда желали послать кому-нибудь проклятье: «Чтоб тебе довелось жить в интересную эпоху».

Приложение

I

Студенты протестуют, потому что аудитории переполнены и преподавание ведется слишком авторитарно. Преподаватели охотно организовали бы работу в форме семинаров вместе с учениками, но полиция препятствует этому. В одной из стычек пятеро студентов убиты (1200 год). Проводится реформа, дающая права самоуправления преподавателям и студентам, ректор не может отказать в разрешении преподавать кандидату, предложенному шестью профессорами (1215 год). Ректор Нотр-Дам запрещает книги Аристотеля. Студенты под предлогом, что цены слишком высоки, захватывают и разоряют харчевню. Начальник полиции вмешивается в это дело с отрядом лучников: ранены несколько прохожих. Группы студентов подходят с близлежащих улиц и нападают на правительственные войска, разбирая мостовые и кидая камни. Начальник полиции приказывает идти в атаку; трое студентов убиты. В университете общая забастовка, все закрываются в здании, правительству направлена делегация. Студенты и преподаватели направляются в периферийные университеты. После длительных переговоров король издает закон, устанавливающий низкие цены на квартиры для студентов, и создает университетские советы и столовые (март 1229-го). Нищенствующие ордена занимают три кафедры из двенадцати. Восстание светской профессуры, которая обвиняет представителей орденов в том, что они негласно захватили всю власть (1252). На следующий год вспыхивает яростная борьба между студентами и полицией, светская профессура прекращает занятия из солидарности, в то время как преподаватели кафедр, принадлежащие монашеским орденам, продолжают вести курсы (1253). Университет вступает в конфликт с папой, который признает правильными действия преподавателей монахов, пока Александр IV не оказывается признать право на забастовку, если решение принято собранием факультета большинством не менее двух третей голосов. Некоторые преподаватели отказываются от каких бы то ни было уступок, и их отстраняют от должностей: Гийом де Сент-Амур, Од де Дуэ, Кретъен де Бове и Никола де Бар-сюр-Об оказываются на скамье подсудимых. Уволенные преподаватели публикуют Белую книгу под названием «Угроза недавних времен», но книга осуждена как «незаконная, преступная и мерзкая» в булле 1256 года (ср. Жиллет Циглер «Сорбонна бросает вызов», Париж, Жюллиар, 1969).

II

Предметы, находившиеся в сокровищнице Карла IV Богемского: череп Св. Адальберта, Меч Св. Стефана, Шип из венца Иисуса, Обломки креста, Скатерть тайной вечери, Зуб Св. Маргариты, Кусок кости Св. Витале, Ребро Св. Софьи, Подбородок Св. Эобана, Ребро кита. Предметы из сокровищницы Герцога Беррийского: Чучело слона, Ва-

силиск, Манна, найденная в пустыне, Рог единорога, Кокосовый орех, Обручальное кольцо Св. Иосифа.

Описание выставки поп-арта и нового реализма: Кукла со вспоротым животом, из которого высовываются головы других кукол, Пара очков, на которых нарисованы глаза, Крест с вделанными в него бутылками из под Кока-колы и лампочкой в центре, Повторенный несколько раз портрет Мэрилин Монро, Увеличенный комикс Дика Трэиси, Электрический стул, Стол для пинг-понга с гипсовыми мячиками, Расплющенные части автомобиля, Мотоциклетный шлем, расписанный маслом, Бронзовая электрическая батарейка на пьедестале, Коробка с бутылочными пробками внутри, Вертикальная доска с тарелкой, ножом, пакетом французских сигарет и Душ, висящий на фоне пейзажа, написанного маслом.

Перевод Е. Балаховской